

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

© 2024 г. В. С. Горбань

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gorbanyv@gmail.com

Поступила в редакцию 15.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования современной историографической модели политико-правовых знаний. В первую очередь она охватывает вопросы науки истории политической и правовой мысли, истории права и философии права. Отсутствие надлежащих разработок в области историографии политико-правовой мысли является основанием для искажений и фальсификаций этой сферы знаний, оказывает негативное влияние на возможности эффективного развития теоретико-исторических правовых наук и использование историографических контекстов отраслевых юридических дисциплин. Разработка современной историографической модели политико-правовых знаний должна вестись с учетом достижений других социогуманитарных наук, логико-философских и историко-философских исследований, включая существенное обновление используемых методов и приемов познания. Важную роль играет утверждение принципов достоверности, верифицируемости и качественного роста знаний, признание типов развития и культурно-цивилизационного многообразия. В статье обобщаются опыт и результаты уже имеющихся исследований историографии в целом и политико-правовой мысли в частности, раскрываются некоторые ключевые проблемы ее развития, продемонстрированы возможности и направления совершенствования методологических аспектов историографии политико-правовой мысли.

Ключевые слова: историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, литературный анализ, национальные типы развития права, российская цивилизация, методы историографии права, роль языка, общественно-религиозное сознание, фальсификации истории права.

Цитирование: Горбань В. С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224070055

FORMATION OF A MODERN HISTORIOGRAPHICAL MODEL OF POLITICAL AND LEGAL KNOWLEDGE

© 2024 V. S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 15.07.2024

Abstract. The article deals with the problem of forming a modern historiographical model of political and legal knowledge. First of all, it covers the issues of the science of the history of political and legal thought, the history of law and the Philosophy of Law. The lack of proper developments in the field of historiography of political and legal thought is the basis for distortions and falsifications of this field of knowledge, has a negative impact on the possibilities of effective development of theoretical and historical legal sciences and the use of historiographical contexts of branch legal disciplines. The development of a modern historiographical model of political and legal knowledge should be carried out taking into account the achievements of other socio-humanitarian sciences, logical-philosophical and historical-philosophical research, including a significant update of the methods and techniques of cognition used. An important role is played by the affirmation of the principles of reliability, verifiability and qualitative growth of knowledge, recognition of types of development and cultural and civilizational diversity. The article summarizes the experience and results of existing research on historiography in general and political and legal thought in particular, reveals some key problems of its development, demonstrates the possibilities and directions for improving the methodological aspects of historiography of political and legal thought.

Key words: historiography, political and legal teachings, Russian historiographical model, literary analysis, national types of legal development, Russian civilization, methods of historiography of law, the role of language, socio-religious consciousness, falsifications of the history of law.

For citation: Gorban, V.S. (2024). Formation of a modern historiographical model of political and legal knowledge // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 64–78.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Одной из значимых проблем, связанных с уяснением перспектив надлежащего понимания путей развития юридической науки, является отсутствие историографических решений, которые бы в полной мере удовлетворяли задачам эффективного научного поиска, требованиям современной культуры науки, условиям и вызовам развития современного общества и государства. Проблема историографии — это комплекс сложных и требующих значительных творческих усилий вопросов, отсутствие адекватных ответов на которые вынуждает юридическую мысль часто двигаться наощупь, формировать свою содержательную ткань по лекалам, которые малопригодны для современной юридической науки.

Почему именно историография должна рассматриваться как существенная проблема, от решения которой зависит возможность значимых и принципиальных обновлений в современной системе политико-правовых знаний? Отсутствие надлежащей историографии можно сравнить с отсутствием дороги: трудно было бы двигаться по разбитой и неустроенной дороге, не говоря уже о том, чтобы можно было рассчитывать на сколько-нибудь быстрое достижение цели. Существующие в юридической науке подходы к ее историографии как раз очень напоминают разбитую дорогу либо ее отсутствие вообще. Вопросы историографического характера занимают человеческую мысль по крайней мере с Аристотеля, который связывал получение достоверных представлений о вещах с необходимостью

рассматривать их в развитии с момента зарождения¹. Однако историография как предмет теоретического анализа — это уже детище последних двух столетий, начиная с концепций философии истории Гегеля и других мыслителей XIX в.

Исследования историографического плана ведутся в разных отраслях знаний: в общей истории, истории культуры и искусства, общей литературе, языкознании и пр. Например, русская историография начала разрабатываться как наука лишь в конце XIX в. Это работы Д.И. Багалея², В.С. Иконникова³, П.Н. Милокова⁴, в дальнейшем это работы Н.Л. Рубинштейна⁵, в эмиграции Г.В. Вернадского⁶. Важный вклад в развитие историографических исследований, прежде всего их логико-методологических аспектов, внесли работы Н.И. Кареева⁷, Г.Г. Шпета⁸, П.А. Флоренского⁹, историко-философских аспектов: Н.О. Лосского¹⁰, В.В. Зенковского¹¹ и др.

В советском правоведении, общей истории и филологии, истории культуры и других областях знаний появились крупные исследования о роли материальной культуры в реконструкции истории общественной мысли, об истории национальных литератур, особенно древнерусской литературы (акад. Д.С. Лихачев¹²), и многие др. Эти исследования позволяют значительно переосмыслить существующие представления о характере, содержании и направленности политико-правовой мысли, дать более точную и объемлющую характеристику изучаемых источников, расширить источниковую базу и приемы познания. В освещении истории политико-правовой мысли, при отборе материала, его анализе и популяризации

многое зависит от трактовки истории и исторического знания.

Интерес к историографическим исследованиям последние десятилетия только возрастает. Это связано с изменениями в современном мире, повышением роли национальных культур и цивилизационных исследований, изменениями мировой архитектуры и баланса сил, развитием наук, дающим новые возможности для совершенствования и углубления исторических знаний, сохраняющейся трансляцией искаженных представлений об истории некоторыми центрами влияния, попытками фальсификации истории, идеологическими ограничениями и привычками неверной интерпретации истории других стран и народов и пр.

Россия, в том числе на уровне Конституции и принятых в соответствии с ней доктринальных актов¹³, активно выступает за обеспечение достоверности исторических исследований, верифицируемость научных данных в сфере реконструкции политической и правовой мысли, неукоснительное соблюдение принципа защиты исторической правды, уважение многообразия культур, традиций и народов. Обеспечение достоверности и других принципов исторического познания, в частности, в сфере политико-правовых знаний — это непрерывная и большая работа, текущая и перспективная задача, связанная в том числе с формированием российской историографической модели политико-правовых знаний, в которой должны и находят себе применение передовые практики разработки и освещения различных сторон политико-правовых знаний, критики конкурирующих моделей и подходов, эффективные приемы выявления фальсификаций российской и мировой истории политико-правовой мысли, средства доктринального обеспечения цивилизационного пространства российской культуры.

Историографические исследования активно велись в Англии в XX в. Это в первую очередь работы по философии истории Р. Коллинвуда¹⁴, М. Оукшотта¹⁵, П. Винча¹⁶, особенно многочисленные работы последних двух десятилетий. Причем надо сказать, что в английской и американской литературе

¹ См.: *Аристотель*. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч. М., 1983. Т. 4. С. 376.

² См.: *Багалея Д.И.* Русская историография: в 2 ч. Харьков, 1911. Ч. 1.

³ См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: [т. 1–2]. Киев, 1891–1908.

⁴ См.: *Милоков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.

⁵ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

⁶ См.: *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998.

⁷ См.: *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. СПб., 1913.

⁸ См.: *Шпет Г.Г.* История как проблема логики: критич. и методол. исследования. М., 1916. Ч. 1.

⁹ См.: *Флоренский П.А.* Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2014; *Его же.* У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики). М., 2013. Т. 1, 2.

¹⁰ См.: *Лосский Н.О.* История русской философии. СПб., 2018.

¹¹ См.: *Зенковский В.В.* История русской философии: в 2 т. М., 1956.

¹² См.: *Лихачев Д.С.* Культурология: избр. труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006; *Его же.* Русская культура. М., 2022. С. 17 и сл.

¹³ См.: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

¹⁴ См.: *Collingwood R. G.* The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.

¹⁵ См.: *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.

¹⁶ См.: *Winch P.* The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.

подчеркивается антиисторический в привычном классическом понимании вектор знаний в разных областях, особенно в области представлений о праве и государстве¹⁷. Особенно наглядно эта тенденция зафиксирована в работах К. Поппера¹⁸. В немецкой науке разрабатывались многочисленные подходы к пониманию «смысла истории» (К. Ясперс¹⁹ и др.).

В начале XXI в. активные разработки историографии заметны в индийской и английской литературе. В 2005 г. в Нью-Дели в Индии индийским ученым М.М. Рахманом была издана пятитомная «Энциклопедия историографии»²⁰. Аналогичная пятитомная работа с названием «Историография» была подготовлена год спустя коллективом английских ученых²¹.

Историография политических и правовых учений как наука начала формироваться лишь во второй половине XX в.²² Речь идет о предметной разработке вопросов природы политических и правовых учений, применяемых методов и приемов познания, ракурсов о преемственности и новизне, о соотношении истории и современности.

Авторский коллектив пятитомной монографии «История политических и правовых учений» (под ред. В.С. Нерсисянца, ИГП АН СССР) еще в 1985 г. констатировал: «К сожалению, в рамках такой научной дисциплины, какой является история политических и правовых учений, специальных историографических исследований пока нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Поэтому устранение отмеченного пробела — актуальная, неотложная задача историков политико-правовой мысли»²³.

Обращаясь к проблематике историографии в науке истории политической и правовой мысли,

¹⁷ См.: *Horwitz M.J.* “Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?” // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.

¹⁸ См.: *Popper K.* *Das Elend des Historizismus*. 5. verb. Aufl. Tübingen, 1979.

¹⁹ См.: *Jaspers K.* *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. München, 1949.

²⁰ *Rahman M.M.* *Historiography*. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005; *Rahman M.M.* *Encyclopaedia of historiography*. Vol. 2: Historiography: evolution and development. 2005; vol. 3: Historiography in India; vol. 4: Historiography: theory and philosophy; vol. 5: Historiography: sources and research.

²¹ См.: *Historiography* / ed. by R.M. Burns. *Historiography*. Vol. 1: Foundations; *Historiography*. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.

²² См.: *Мамут Л.С.* Становление историографии политико-правовых идей // Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984. С. 22–33; *Крашенинникова Н.А., Чиркин С.В.* Критика теорий буржуазной историографии как составная часть спецкурса «Основные проблемы феодального государства и права» // Методика преподавания юридических дисциплин: сб. науч. тр. М., 1986. С. 47–68.

²³ История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1985. С. 27.

Л.С. Мамут рассматривал, что весьма закономерно, в первую очередь немецкую литературу, в которой впервые создавались модели описания истории философии права²⁴. Именно немецкие шаблоны оказывались в дальнейшем примерами для многих последующих историографических описаний. Этому в основном следовала русская дореволюционная историография политической и правовой мысли. В XX в. в разработке историографической проблематики политико-правовых наук активно стали заявлять о себе англо-американские и французские авторы.

Л.С. Мамут справедливо отмечал отсутствие единства в принципах построения и освещения истории политических и правовых идей как теоретических знаний. Немецких авторов он упрекал за неполноту и тенденциозность изложения материала, произвольность компоновки (в частности, в работах Ю. Шталя, Р. фон Моля), других авторов, таких как англичанин Р. Блэки, за чрезмерное увлечение малозначительными писателями, поверхностность и отсутствие заявленного в работе скрупулезного исследования, у французского автора П. Жане положительно оценивался интерес к изучению древнего Востока. В обзоре литературы XX в. бросается в глаза еще более пестрое разнообразие подходов проанализированных Л.С. Мамутом работ.

Замечания в адрес зарубежных историографов философии права и политической мысли во многом совершенно обоснованы. Действительно, в зарубежной литературе нет внятной теоретической разработки историографической проблематики политико-правовых идей. Однако пока мы довольствуемся лишь, так сказать, контурным представлением. Прежде всего, науке истории политической и правовой мысли недостает подробных исследований национальных литератур. С учетом современного уровня науки было неверно требовать единства подходов. Напротив, в различных национальных историографических моделях нужно учитывать языковые, культурные, общественно-религиозные и другие факторы, которые формируют конечный облик конкретной национальной литературы по вопросам истории политических и правовых учений. По-прежнему совершенно неразработанной является проблематика четкого разграничения истории правовой мысли и истории политической мысли. Внутри истории философии права философское осуждение права часто просто подменяет любое теоретическое осмысление права юристами, вызывая нередко справедливую критику с их стороны в непригодности и неточности чрезмерных абстракций для нужд социальной практики.

Европоцентристское представление об истории политической и правовой мысли является типично

²⁴ См.: там же. С. 42 и сл.

самым простым и удобным форматом, который в каких-то аспектах домысливается. При этом совершенно неоправданно и произвольно из предмета истории политической и правовой мысли в европоцентристском изложении выпадает русская политическая и правовая мысль, как и многие другие. Англо-американская литература предполагает принципиально иной тип изложения, который в основном ориентируется на прагматические сюжеты, а не на четкую хронологию. Французская, как и английская литература, значительно больше внимания уделяет истории общественно-политической мысли, чем собственно юридической. Важной проблемой для определения отбираемого материала является собственно понимание права и государства как предмета юридической науки, несмотря на весь накопленный опыт. История мысли — это в значительной степени история соответствующей литературы, изучение которой требует внимания к сюжетам и мотивам, средствам выразительности, морфологической природе языка, показывающей в том числе характер соотношения бытийного и лингвистического, жанровых особенностей и прочих существенных аспектов литературного анализа.

Отдельным проблемным моментом выступает практика идеологических искажений относительно других национальных литератур. Идеологический характер искажений проявляется в принципиальном отрицании другого альтернативного варианта осмысления права и признании лишь одной единственной правильной модели изложения, отбора и компонования материала. Нередко, особенно в наше время, отрицается даже наличие сходных слов и явлений. Например, правосознание описывается как некий интеллектуальный продукт одной страны или группы стран, а аналогичные слова, термины и феномены в других языках и культурах искусственно и произвольно не переводятся, а лишь транскрибируются с целью принципиального отграничения инакомыслия. Такой подход лишает науку всякой перспективы, превращает ее в реликт первобытного мышления.

Любопытный пример современных историографических решений предлагает изданный в 12 томах «Курс правовой философии и общей юриспруденции» в издательстве “Springer” (под ред. итальянского ученого Э. Паттаро²⁵). Это издание, весьма объемное и содержащее немало ценного для науки истории политической и правовой мысли материала, тем не менее совершенно по-своему представляет общую проблематику. Курс разделен

на теоретическую часть (первые пять томов) и историческую часть (остальные семь). Тома издавались в период с 2005 по 2016 г. Авторы прямо заявляют, что это первый многотомный курс по правовой философии и общей юриспруденции, в котором предмет охватывается как с позиции теоретической, так и исторической перспективы. Конечно же, это не соответствует действительности. Разве что речь идет о первом курсе истории философии права в истории американской литературы. История философии права, в том числе взятая одновременно и с теоретической, и исторической точек зрения, — хорошо известное явление в мировой литературе. Достаточно упомянуть пятитомный курс под редакцией В.С. Нерсисянца, а также его индивидуальные работы по философии права. В немецкой и русской историко-философской юридической литературе еще в XIX в. имели место уникальные для своего времени проекты по изложению истории политических и правовых учений (например, «История политических учений» в пяти частях Б.Н. Чичерина, включая его работы по философии права²⁶).

Названный зарубежный «Курс правовой философии и общей юриспруденции», хотя и выполнялся под редакцией итальянского автора, но вместе с тем имеет главную задачу показать выборочно историю философии права с позиции «мира общего права» — установки, которая выступает либо как основной предмет исследования, либо как ориентир для обсуждения всех остальных. В итоге политико-правовая мысль «мира общего права» оказывается фундаментально вписанной в общемировую картину истории. Другие типы литератур показаны во множестве, но в весьма узком хронологическом и содержательном горизонте. Это основательный курс для нужд и целей американской юриспруденции и философии, который выполняет вполне очевидную для квалифицированного читателя идеологическую функцию.

Историография может фокусироваться на теоретическом плане, а именно, когда мы ведем речь о философском или теоретическом восприятии предмета для того, чтобы продемонстрировать прогресс мысли в логико-понятийной составляющей. Однако не менее значимым является представление об историографии как модели конкретной науки, с ее индивидуальными чертами. Историография может рассматриваться как всеобщая, претендующая по крайней мере как пропедевтическая, модель на охват неких общих для мировой истории типовых характеристик возникновения, развития и современного состояния, в частности, политических и правовых идей. В этом искомом качестве она может складываться только в опоре

²⁵ См.: A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law. E. Pattaro, H. Rottluthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.

²⁶ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869–1902. Ч. 1–5.

на принципы полноты, достоверности и проверяемости знаний. Для этого необходимо изучение национальных и региональных типов формирования историографических моделей. И здесь историография политической и правовой мысли выступает как национальная, которая пишется конкретными авторами на конкретном языке.

Ф. М. Достоевский в статьях о русской литературе писал: «Наука, конечно, вечна и незыблема для всех и каждого в основных законах своих, но прививка ее, плоды ее именно зависят от национальных особенностей, то есть от почвы и народного характера»²⁷.

Полученные результаты при установлении, выяснении и разъяснении индивидуальных черт национальных правовых литератур и практик трактовки истории политической и правовой мысли должны сравниваться и сопоставляться с теми образцами, которые позволяют либо проверить соответствующие знания, либо продемонстрировать своеобразие соответствующего описания. Нет никаких сомнений в том, что в истории есть очевидные факты, общеизвестные, своего рода, обстоятельства, не нуждающиеся в доказывании. Например, Французская буржуазная революция или Октябрьская революция в России. Однако то, как соответствующие события формировали политико-правовые представления, как их трансформировали и пр. — все это требует кропотливого и тщательного освещения, избегая случайных и других искажений.

Историография задает тон всем остальным юридическим исследованиям. Она не исчерпывает проблематику юридической науки. Однако она непосредственно способствует формированию идейного содержания права, выступает его несущим каркасом. Это своего рода базовая технология, которая создает определенную почву для развития или отставания всей науки. Если историографические шаблоны и каноны задаются какой-то внешней, устаревшей или чуждой моделью, что, однако, может иметь и латентный характер, то внутреннее развитие юридической мысли, ее философских, исторических, догматических и практических компонентов, оказывается всегда в роли отстающего и воспринимающего характер соответствующих институциональных или идейных моментов на ощупь, пытаясь как бы насильно привить себе некоторое понимание. Простой пример идеи «мягкого права» наглядно показывает искаженные представления о природе права и его истории. С незапамятных времен в юридической науке и практике известен такой метод регулирования

как убеждение. Однако в современной литературе он всячески подается в виде транслируемого американской доктриной международного права конструкта “soft law”, создающего даже на уровне юридического словаря парадоксальное мысленное разделение права на «жесткое» и «мягкое», что само по себе уже вредит авторитету права в обществе.

Подобно тому как И. Кант в его «Критике чистого разума» рассуждал о том, что такое аналитические и синтетические суждения, можно сказать, что историография, включающая и догматическую, и критическую составляющие, ведет как раз к расширению знаний, к их критическому восприятию, служит основой критического взгляда на весь сложный многообразный, составленный из различных элементов процесс возникновения и эволюции политико-правового мышления.

Немецкая юридическая наука формирует собственную историографию, в которой значимые события прошлого освещаются как предыстория собственно немецкой мысли, немецкой философии. Аналогичным образом поступают во многих других странах. В этом смысле очень важными являются самосознание, культурная и цивилизационная идентификация. Если такое сознание отсутствует, то происходит копирование чужого опыта, подражание ему и в итоге умышленное или неосознанное пересоздание базовых ценностей другой культуры.

В современной довольно типовой модели реконструкции истории политической и правовой мысли традиционно описывается западноевропейская, усредненная во многих отношениях, последовательность восприятия права и его обсуждения в различных видах литературы. Как правило, чтобы не углубляться в критику, догматически принимается соответствующая модель на веру и описывается более или менее полно. На деле же оказывается, что многое даже внутри самой западноевропейской правовой традиции подается неполно, недостоверно, в определенном, выгодном для себя свете. В итоге мы имеем зачастую картину политико-правовой мысли в приукрашенном виде, которая сохраняется и возделывается нередко в отрыве от внутренних потребностей тех стран, которые непосредственно включены в соответствующую орбиту. Та же немецкая юридическая мысль XIX в. чрезвычайно продуктивна и разнообразна. Именно в плане основательных и программных теоретических и методологических сочинений в данный период конкурентам немецкой юридической литературе найдется немного. Однако даже в немецкой литературе по истории права найдется немного исследований, в которых была бы подробно и полно показана и проанализирована история именно юридической мысли, ее

²⁷ Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л., 1978. С. 50.

направлений и познавательных установок. Наряду с этим в современных изданиях к числу наиболее влиятельных юристов и философов права могут отнести, например Б. Обаму, поскольку он поддерживал финансирование когнитивных исследований в каком-то научном центре, или А. Розенберга, одного из нацистских преступников, осужденных приговором Нюрнбергского трибунала²⁸.

Каждый вид национальной юридической литературы — будь то немецкая, французская, итальянская, английская или какая-то другая — непременно стремится к такому типу реконструкции юридической мысли, при котором национальный подход оказывается в центре, а все остальное из истории и современности выступает как контрастный фон для соответствующих аргументов и оценок.

История русской политико-правовой мысли обставляется в западной литературе традиционно в очень ограниченном виде и в искаженном представлении. Это зачастую делается сознательно чуть ли не в виде отрицания ее как таковой. К сожалению, такому ложному представлению способствовали на протяжении многих лет и некоторые отечественные авторы разных исторических эпох, испытывавшие особый пиетет к западной культуре, не обращая внимания на ее разнообразное содержание, а не только на ее показную внешнюю эстетику.

Например, в немецкой юридической литературе в качестве единственных и показательных имен для характеристики русской политической и правовой мысли называются Л.Н. Толстой, В.И. Ленин, Е.Б. Пашуканис, А.Я. Вышинский, И.В. Сталин²⁹. И на этой основе в наиболее популярных и известных изданиях по истории философии права предлагается судить о содержании и характере русской политико-правовой мысли. Все российские правоведы и государственные деятели в основном оцениваются в негативном ключе. В частности, Л.Н. Толстой объявляется наиболее ярким выразителем якобы характерной для России черты — правового нигилизма. В другом издании Г. Радбрух относил Л.Н. Толстого к тем, кто вообще отрицал положительную ценность права³⁰. В этих оценках русской политической и правовой мысли содержатся в основном искаженные представления. На самом деле нет никакой разницы между верой И. Канта в нравственный закон и аналогичной верой Л.Н. Толстого. Можно разве что показать особенности разъяснения нравственности у обоих мыслителей. Произведения Л.Н. Толстого не призывают

к анархизму, хаосу, нигилизму. Его критика в небольшом «Письме студенту о праве» в адрес позитивного права не содержит ничего особенного и содержательного — это не более чем эмоциональная и вполне типичная для писателей и поэтов позиция по отношению к позитивному праву, понимаемому как набор властно зафиксированных привилегий и жестоких наказаний, что особенно с исторической точки зрения совершенно не лишено оснований³¹. Для писателей и поэтов, как тех, кто решительно требовал перемен, справедливости, свободы и равенства, было характерно желание порвать с правом, с его принудительно-карающим характером. Они публично отказывались от юридической профессии и пр. Но это не более чем особенности жанра. И тот же Г. Радбрух сам это прямо подчеркивал. Однако Л.Н. Толстого он такого права почему-то лишил. Вероятно, еще и потому, что знакомился Г. Радбрух с идеями русского классика не по произведениям писателя, а лишь в пересказе одного из русских эмигрантов³². Чтобы подчеркнуть простоватость и неточность, с которыми Г. Радбрух взялся за изучение идей Л.Н. Толстого, можно напомнить о письмах В. Гюго к издателям его книг, в которых нередко сообщалось о совершенно бесправном состоянии многих французов и беззаконии в различных жизненных делах во Франции³³. Но разве В. Гюго выражает типичную для французов черту — правовой нигилизм? Кроме того, в западной литературе творчество великого русского писателя постоянно находится в центре внимания исследователей, и интерес к его идеям как философа только возрастает³⁴.

В западной юридической литературе мы найдем при необходимости такое же множество рьяных критиков права, нигилистов, анархистов, как и тех, кто выступал в защиту права. Одной из сквозных, особенно для немецкой юридической и общественно-политической литературы, тем в XIX в. было отмирание права, которая ошибочно приписывается ранним советским юристам. Последние, особенно Е.Б. Пашуканис, лишь попытались подхватить эту тему и развить немного

³¹ См.: Толстой Л. Н. Письмо студенту о праве (1909 г.) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / под общ. ред. В. Г. Черткова; 1909–1910. М., 1936. Т. 38. С. 54–61.

³² См.: Sapir B. M. Tolstoi und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.

³³ См.: Гюго В. М. Несчастные / Misérables / пер. О. Н. Поповой и А. Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III. (Роман известен также под названием «Отверженные»).

³⁴ См.: Martin E. Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011; Falkner D. Straftheorie von Leo Tolstoj. Berlin, 2021; Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlth / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015; Foster J. B. Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.

²⁸ См.: Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016.

²⁹ См.: Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.

³⁰ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 111, 112.

подробнее³⁵. Ю. Кирхманн в 1847–1848 гг. заявил о «бесполезности юриспруденции как науки»³⁶, поверив программным тезисам исторической школы права. К. Маркс спрогнозировал отмирание права по мере устранения классовых противоречий и достижения искомого идеала коммунистического общества³⁷. Были радикальные теории права, объясняющие его через насилие, как у Л. Гумпловича³⁸. В XX в. проявились расистские теории «права» в лице прислужников национал-социализма. Приговор Нюрнбергского трибунала дает отчетливое и ясное представление о том, до каких «высот» добралась немецкая мысль³⁹. Отнюдь не сами немцы объявили национал-социализм преступной идеологией. Это стало возможным благодаря советской армии и советскому народу, спасшему очередную раз в истории европейские народы.

В 1815 г. баварский ученый, преподаватель философии и эстетики, университетский библиотекарь и директор школы в г. Эрлангене Готлиб Эрнст Август Мемель опубликовал работу под названием «Чистое учение о праве»⁴⁰. Это первая часть его курса «науки о государстве», который называется «Чистое учение о государстве». Он попытался разработать «Теорию права, или учение о праве» на основе положений философского учения И. Канта, в особенности его «Метафизических начал учения о праве». Данная работа интересна еще и тем, что она демонстрирует логику и происхождение «чистых учений о праве», которых в истории правовой мысли было много. Вдохновил на поиски «чистых учений о праве» прежде всего Кант. Книга Г. Кельзена «Чистое Учение о Праве»⁴¹ представляет собой небольшой эпизод в историографии данной темы.

На титульных страницах названной книги Г. Мемеля содержится следующее посвящение: *Его Величеству Могуущественному Кайзеру России Александру*⁴², *Выдающемуся Ангелу-хранителю*

и Великодушному Освободителю плененных народов, Доблестному, покрытому вечной славой Благодетелю мира, восстановившему правовой порядок в Европе (выд. мною. — В.Г.), *с глубочайшим уважением и низким поклоном посвящается.*

В исторической панораме политико-правовых идей заметны сквозные темы и общественная озабоченность, которые по-своему пытаются решить мыслители разных эпох. Они являются своего рода маркерами для историографического построения, указателями целостности знаний и попыток лишь по-разному аргументировать. Так, идею Закона и Благодати, где ветхий Закон выступает необходимой предпосылкой для достижения христианской Благодати («положил Закон на предуготовление истине и Благодати», «ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и истине», «прежде Закон, потом она, Благодать»⁴³), мы читаем уже у Илариона в XI в., но та же, по сути, тема, с определенными уточнениями, звучит в формулах И. Канта о легальности и моральности, о юридически-гражданском и этически-гражданском состояниях. Немецкий протестантский философ для победы, а точнее перевеса, над «неустанно воинствующим злом» считал необходимым достижение сначала юридически-гражданского (политического) состояния, а затем — возможного только на основе этого первого — этически-гражданского состояния, т.е. основанного только на законах добродетели⁴⁴. Этическое общежитие, как писал Кант, «может существовать в среде политической общности и даже включать всех ее членов (так как если бы политическая общность не лежала в основе этической, люди не смогли бы осуществить эту последнюю)...»⁴⁵. Аналогичным образом размышлял Р. Иеринг о связи права и нравственности, для которого право было лишь необходимым средством для обуздания человеческого эгоизма и становления человека на путь нравственности.

Л.И. Петражицкий убеждал современников, что правовые эмоции, несмотря на свой воинственный характер, все же имеют тенденцию к утверждению порядка и мира в общественной жизни, и при правильно организованной политико-воспитательной работе они (как здоровая правовая психика) будут способствовать более быстрому и осознанному приближению к христианскому идеалу: «Идеалом является достижение совершенно социального

³⁵ См.: Пащуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.

³⁶ Kirchmann J.H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.

³⁷ См.: Маркс К. Манифест Коммунистической партии. М., 1951. С. 23, 24.

³⁸ См.: Gumpowicz L. Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift "Rasse und Staat" vers. Aufl. Innsbruck, 1909.

³⁹ См.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

⁴⁰ Mehmel G. Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.

⁴¹ Название книги Кельзена в оригинале написано именно большими буквами, в духе символизма.

⁴² Далее ошибочно указывается «Второму». Книга издана в 1815 г., и речь шла об Александре I.

⁴³ Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина. М., 1994. С. 31, 33.

⁴⁴ См.: Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов. М., 1994. С. 98, 99.

⁴⁵ Там же. С. 99.

характера, совершенное господство действенной любви к человечеству»⁴⁶.

В этом же направлении развиваются представления Г. Еллинека и В.С. Соловьева о праве как этическом минимуме.

В учении И.А. Ильина приведенное соображение демонстрирует следующий фрагмент: «Как ни горько и ни сурово звучит это, но право и правопорядок необходимы как своего рода “намордник” для своекорыстной злой воли и для хищного инстинкта»⁴⁷.

В этих примерах читается созвучность сквозной для человеческой культуры темы о правилах и обрядах инициации, посвящения, составляющих огромный пласт культуры древности, в видоизмененном состоянии присутствующих повсеместно и сегодня. Наглядный пример — система правил посвящения, инициации, а также испытаний, задавания задач, сопровождавших проверку силы и вознаграждение за добродетели у героев народного творчества — в сказках, мифах. Профессор В. Пропп, известный филолог, в своих исследованиях «исторических корней волшебной сказки» писал: «По мере того как развивалась техника, развивалась социальная жизнь — вырабатывались известные нормы правовых и иных отношений, которые были возведены в культ и стали называться добродетелями»⁴⁸. Поэтому «проверка добродетелей» рассматривалась как необходимое условие для продолжения пути мифологического или фольклорного героя.

Корни политико-правовых явлений и идей значительно глубже их литературной обработки. Наряду с выборкой событийных характеристик, которые, безусловно, наиболее показательны для освещения истории политической и правовой мысли, важны и другие аспекты — обыденные, общекультурные, историко-филологические, просветительские, социально-практические и пр.

Что за парадокс добираться до собственного мышления окольными путями, путем выслушивания и воспроизведения всего того, что связано с творческим взрослением других культур?! Да и кто им, этим другим культурам, выдал аттестат зрелости? Разве что они его выписали себе сами. Однако самоаттестация в науке выглядит малоубедительно. Любой факт, любое научное событие, формирующие каркас науки и ее содержание, должны подвергаться тщательно анализу, критике, сравнению. И. Кант, например, убедительно утверждал, что настоящая метафизика

должна состоять из догматики и критики⁴⁹. Конечно, кантовская критика имеет свой характер и не исчерпывает возможностей критики. Однако постановка вопроса выглядит совершенно обоснованной и правомерной.

Мировую историю мысли нужно знать для того, чтобы иметь возможность делать действительно научные выводы о развитии политико-правовых знаний. Но именно мировую, а не ограниченную очень узким горизонтом одного единственного взгляда на мир и историю его развития. Мало того, что движение мысли идет по подсказанным и нередко недоверенным указателям, но оно еще и сопряжено с таким количеством неточностей, искажений, вольных интерпретаций, что в итоге мы получаем часто, может быть даже и весьма изящную, но сюрреалистическую картину политико-правовых знаний, часто лишленную перспективы, света и тени.

История как познавательная область и как наука возделываются с давних времен. Однако логическое понимание истории как развития связано с гегелевской философией, в которой отчетливо выразилось представление о том, что мысль как движитель всего в мире в интерпретации немецкого философа развивается необходимым образом по своему внутреннему закону как в логике (мышлении), так и в истории. А последняя, соответственно, представляет собой по необходимости развивающийся всемирный процесс. Идея, конечно же, не нова. По своей сути она является пересказом на светский лад христианской модели мира и его развития. При этом Гегель далеко не всем народам предоставлял право на историю. По убеждению данного философа, до истории нужно дорасти, а этот рост связан с развитием идеи и сознания государства. У тех народов, у которых политическое мышление не достигло необходимого уровня, не сформировалось представление о государстве как наивысшей нравственной форме реализованной свободы, нет и истории. Аналогичным образом размышляют и о философии, и об истории мысли, и об истории политических и правовых учений. Например, популярный в XX в. немецкий философ М. Хайдеггер утверждает, что философия — это изобретение стран Западной Европы, и что якобы только там знают и понимают, что она из себя представляет. И более того, только там и способны заниматься философией, но не в других странах. Все остальное, независимо, есть оно или нет, знают его товарищи Хайдеггеры или нет, просто *не-философия*. М. Хайдеггер занимает свое почетное место в современной философии, но требовать для себя интеллектуального патента на философию выглядит простовато для подлинной науки. Вообще, нужно сказать, мифическое патентное ведомство, которое традиционно раздает легитимации на право заниматься философией

⁴⁶ *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 3.

⁴⁷ *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 222.

⁴⁸ *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021. С. 103.

⁴⁹ См.: *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума.

или политико-правовой мыслью, выглядит каким-то атавизмом средневековья.

К сожалению, требование-претензия М. Хайдеггера неосуществимо еще и потому, что, во-первых, никакой единой западной философии просто не существует и никогда не существовало. Все, что собирательно включается в это обозначение, имеет на самом деле индивидуальные черты итальянской, французской, немецкой, английской, шотландской, ирландской и прочих философских национальностей. Именно в своей самобытности и индивидуальности все эти национальные философии по-настоящему интересны и познавательны. Неужели данный философ спутает немецкую и французскую философию? Очевидно, нет. Вся другая *не-немецкая* философия для него будет периферией, фоном для контрастного освещения немецкой философии. Во-вторых, всякая ли часть Европы может похвастаться какой-то значимой философской литературой? Но в истории философии, в том числе философии права, не были до сих пор заметны, скажем, ни португальская, ни бельгийская, ни датская, ни многие другие предполагаемые в обозначении «западная философия» компоненты.

Говоря об истории политической и правовой мысли, истории философии права, мы непременно имеем в виду прежде всего литературную историю, т.е. самую доступную для изучения историю литературы и текстов. При этом, нужно заметить, что литературные источники, безусловно, важны и составляют, по сути, главный предмет исследовательского интереса, но они отнюдь не единственный источник. Это источниковедческая проблема, которая пока еще не получила достаточного освещения в науке истории политической и правовой мысли.

Например, религиозные философы средневековья рассказывают в латинских текстах о своих попытках в доказывании с помощью античной логики христианских постулатов. Их рассуждения о власти и правлении, взаимоотношениях церковной и светской властей, об обязанностях христианина и др. складываются в зарубежной историографии в некую картину последовательного развития и поисков истины, философской культуры и эстетики. Политическая и правовая мысль средневековья образуется из обоснования догматов инославия в виде учения формирующейся католической церкви, выразившегося в спорах номиналистов и реалистов. И здесь мы видим желание средневековых авторов лишь применить античный логический инструментарий, доведенный ими до схоластики. В то же время, например, история общей литературы убедительно показывает, что интеллектуальная культура народов Западной Европы на тот момент была слаборазвита, только формировалась и искала себя в простейших формах церковно-монашеской литературы и фольклора.

Сопоставляя эти процессы, напрашивается вывод, что политическая и правовая мысль средневековья выглядит значительно скромнее, чем представляется традиционно. В итоге даже удачные сочинения отдельных мыслителей выглядят при ближайшей проверке зачастую именно как отдельное явление, как опыт их конкретного ознакомления с античной классикой и ее применения, но не как срез эпохи, не как убедительная характеристика состояния политико-правовой мысли времени.

Мы не ставим вопрос о том, что история политической и правовой мысли в странах Западной Европы является малозначительной. Речь идет о другом, а именно о том, что она не является константой, содержит много пробелов, много архаизмов и ложных интерпретаций даже собственной традиции. Но ее историографическая модель совершенно не позволяет взглянуть на нее критически, так сказать, исправить существующие недостатки и заполнить значительные пробелы. К сожалению, западная историографическая традиция напоминает познавательные установки школы первых европейских юристов — глоссаторов, которые, задавшись целью изучения римских правовых источников, полагали, что ни знания греческого или латыни, ни знания истории для осуществления их проекта вовсе не требуются, что нередко приводило к бессмысленным и причудливым комментариям⁵⁰.

В истории политической и правовой мысли Западной Европы нет никакого единства и последовательности. Это просто идеология, популярный миф. Английская юридическая мысль в исполнении юристов появляется со времени Бентама, а до этого она представляет из себя набор тем, обсуждаемых дополнительно некоторыми политическими философами. Научный характер или характер законченной философской системы права она не приобретает. Скорее это ряд высказываний, некоторых размышлений о значении права. Правовые взгляды Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Локка практически не обсуждались в активно развивавшейся юридической мысли XIX в. Германии или Франции. Если мы предметно займемся изучением английской юридической мысли, то внутри нее легко обнаружим, что, например, шотландские или ирландские авторы на протяжении многих веков, вплоть до нынешнего времени, пытаются отграничить свои политико-правовые идеи и даже нередко локальные правовые системы от английской. Поскольку это совершенно невыгодно для английской национальной литературы — выделять какую-то шотландскую правовую мысль, то в общедоступных источниках совершенно замалчивается

⁵⁰ См.: Savigny F. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815; Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 2001.

информация о правовой культуре и правовой мысли Шотландии. Однако факт остается фактом.

Немецкая юридическая мысль активно развивается только с конца XVIII в., равно как и философия права. Науки, в частности юриспруденция в виде теории права или теоретически оформленной философии права (как дисциплина со своим предметом, методом и внутренней организацией), в современном представлении появляются только вместе с открытием национальных языков, что стало закономерным результатом реального осознания истории и себя в истории. Большой период истории становления юриспруденции и юридической мысли связан с историко-филологическим, антикварным изучением древних источников. Изучались тексты древних, но весьма прогрессивных актов, ставших основой общего европейского права. Однако подлинное развитие науки права происходит только после того, как она приобретает конкретный, национальный характер. Философские рационалистические идеи служат теперь каркасом, который позволяет упорядочить весь материал в систему.

Кантовский критицизм, как и весь немецкий идеализм, — целиком и полностью продукт протестантизма, ищущего опору в философии; критицизм Канта прокладывает прямой путь к реализму и «новому», очередному открытию истории, отказываясь от догматизма, не ограниченного критикой самой способности суждения — или, как гласит протестантская доктрина, *sola scriptura*, а не вся последующая догматика; человек и его индивидуальный опыт богообщения и есть собственно церковь в протестантской трактовке⁵¹. Кант удачно объясняет, как возможно сосредоточиться на самом человеке, на его сознании. Ответ находится просто — так же, как учит протестантская доктрина — непознаваемость вещей в себе, агностицизм. Об этом уже всюду твердил шотландец Д. Юм. Но в лице Канта это был мощнейший удар по догматике вообще, в том числе по рационалистической доктрине естественного права, господствовавшей долгое время. В итоге Кант и историческая школа права идут рука об руку.

Решающим при этом фактором становится интерес к национальной истории и культуре. В период реакции Гегель пытается примирить действительное с разумным и тем самым не возбуждать революционные настроения в обществе⁵². Историческая школа права активно пропагандирует тезис о невмешательстве в развитие права, так как, по убеждению ее сторонников, оно возникает и эволюционирует исключительно органическим путем подобно языку или

растению⁵³. Несмотря на все призывы к преобразованию социальной действительности в лице ровесников юриста Р. Иеринга к «борьбе за право» и социального философа К. Маркса к «пролетарской революции», немецкая юридическая мысль, которая достигла больших успехов в XIX в., оставалась весьма консервативной. Можно даже сказать, что невероятное интеллектуальное разнообразие у немцев мало претворялось в действительности. По крайней мере процесс этот шел крайне медленно. Р. Иеринг жаловался на своих современников, что многие одобрятельно кивают, показывая согласие с его взглядами, но подтвердить это в своих сочинениях, не говоря уже о том, чтобы развить их дальше, не решаются.

У французов большую роль играла аналитическая юриспруденция. В наше время ошибочно полагают, что она зародилась в Англии. Это не соответствует действительности. Она представляет собой результат интеллектуальной работы французских юристов. Когда английскую юриспруденцию называют аналитической, то в этом заключается весьма любопытный парадокс и известная хитрость. Английский язык по своему типу аналитический, в отличие от флективных языков (русский, греческий). После того, как в английскую юриспруденцию проникли идеи лингвистической философии, то в лице Г. Харта появилась версия английского неопозитивизма и своего рода неоаналитической юриспруденции. Дело в том, что те ключевые положения, на которых Харт обосновывает «концепт права»⁵⁴: открытая текстура, контекстуальность и пр. — все это заложено уже в особенностях английского языка как такового. Поэтому то, что говорит Харт о праве, это на самом деле означает — просто думать по-английски о праве. Это даже не школа и не наука в юридической мысли. Это самобытная черта английской языковой и социальной культуры. Изучать и описывать его необходимо несколько иначе в сравнении с теоретическими обобщениями и абстракциями, к которым тяготеет исторически и культурно мысль в странах континентальной Западной Европы, в России.

Именно французская юриспруденция стала аналитическим проектом, так как именно французские юристы являются своего рода изобретателями ее в юридической науке XIX в., а вовсе не англичане. Последние включились в эту работу в своей английской версии — очень замкнутой и консервативной — значительно позже. О том, что именно французам принадлежит первенство в разработке аналитического компонента в юриспруденции, соответствующего набора приемов познания, легко убедиться изучив историю созданий первых в Европе кодексов,

⁵¹ См.: История религий / Митр. Иларион (Алфеев), прот. О. Корытко, прот. В. Васечко. М., 2016. С. 346 и сл.

⁵² См.: Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821.

⁵³ См.: Savigny F. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

⁵⁴ Hart H. The concept of law / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.

появившихся во Франции. Об этом красноречиво пишет П.А. Фейербах в его небольшом сочинении (предисловие к работе одного из его учеников) «Взгляд на немецкое правоведение» (1810)⁵⁵.

В конце XIX в. К. Бергбом в своей знаменательной работе об апологетике юридического позитивизма подробно описывает отсутствие сколь-нибудь значимых изменений в данном вопросе — о влиянии различных национальных школ друг на друга⁵⁶. Особенно это касается отсутствия на протяжении всего XIX столетия значимого взаимного интереса и влияния друг на друга со стороны английских и континентальных юристов.

Колоссальную роль в развитии всей интеллектуальной культуры XIX в. играет «открытие» национальных языков, на которых отныне стали писать философскую и научную литературу. Несложно предположить, что известность или точнее ясность философского языка Канта, Фихте или Гегеля не в последнюю очередь связана с тем, что они творили свои сочинения на родном для них и их читателей немецком языке. Он не только делал философию права, юридическую мысль ярче, точнее, образнее, но и показывал ее по-настоящему индивидуальный характер. И вовсе не случайно почти сразу юристы задумались о роли сравнительных методов, так как впервые поняли, что у каждого народа свой «дух» права (П.А. Фейербах, К. Савиньи, Р. Иеринг и др.). Можно с уверенностью сказать, что не только у каждого народа есть свой дух права, но и у каждого более или менее отчетливого юридического понятия и идеи есть свой интеллектуальный паспорт. Они могут менять прописку, усваивать новые черты. Но суть дела это не меняет. История взаимоотношений римского права и национальных прав, правовых обычаев народов Западной Европы, идей просвещенной Европы и русской культуры — во всех подобных случаях национальное и народное приходит в столкновение с внешним и заимствованным. В одних случаях внешнее оказывает большую услугу народу и помогает развитию образования, науки, культуры, а в других случаях оно может сдерживать развитие, в том числе, когда национальная культура уже достигла в своем развитии высот, позволяющих ей двигаться самостоятельно. Удивительный, пока малоизученный в истории политической и правовой мысли пример — сравнение состояния церковно-монашеской (основной источник политической философии европейцев) и общей литературы западноевропейских народов в средневековье. Первая обычно выглядит вполне уверенно, демонстрирует применение античной логики (прежде

всего Аристотеля) к христианским и политическим сюжетам. Состояние же народной литературы (эпосы, мифы, сказки и пр.) значительно точнее показывает пока еще очень слаборазвитую культуру. Для истории политической и правовой мысли важен не только отвлеченный взгляд на логико-понятийные уточнения, споры, введение новых политических сюжетов, но и то, какой познавательный и просветительский характер имели соответствующие работы и идеи, какие культурные факторы определяли действительное состояние мысли, вместе с историко-конкретными описаниями, особенностями материальной культуры и пр.

Известный немецкий историк права XX в. Ф. Виакер, автор знаменательного труда под названием «История частного права Нового времени»⁵⁷, попытался объяснить историю частного права, прежде всего как историю науки и юридической мысли, показывая, что приобщение европейских народов к римской юриспруденции шло медленно, путем влияния и усвоения логических фигур и образов мышления, сформировавшихся в поздне-латинской школе. Оно двигалось в направлении обеспечения единства делопроизводства, записей, составления актов, формирования клерикального мышления. Вся последующая история юриспруденции идет путем технического совершенствования приемов указанной работы. Многие века заметна лишь работа юристов по сбору античного материала, его комментированию, составлению выборок, компендиумов, сборников, систематизации (это даже некая новая ступень, проявившаяся не сразу). Идейное содержание было очень скудным, а без него настоящая наука не развивается. Поэтому, когда прорывается написанная, например, в Германии на немецком языке идеалистическая философия, будоражащая теперь умы немцев с помощью понятных для них средств выразительности, а не сухого языка латыни, многовековой технической юриспруденции придается теоретический каркас. Она приобретает скелет, структуру, которая отныне медленно преобразуется в теорию права. На этом строит свои размышления Р. Иеринг во вводной статье, с которой начинается издание «Ежегодника современного римского и немецкого права», о «нашей задаче» в современной юриспруденции, в которой он выделяет низшую техническую юриспруденцию и высшую теоретическую⁵⁸.

⁵⁵ См.: *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.

⁵⁶ См.: *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892.

⁵⁷ *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3. durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

⁵⁸ См.: *Jhering R.* Unsere Aufgabe // *Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts*. Bd. 1. 1857. S. 1–52.

* * *

В своем идейном поиске юридическая мысль далеко не сразу осознает себя и свои задачи. Нужна большая историческая работа по технической первичной обработке материала. Историография может показать действительную работу мысли в политической и правовой сферах, срез эпохи с точки зрения ее исторически-конкретного интеллектуального содержания и духовно-нравственных поисков, а для этого нужны большие массивы данных разных наук, но служащих в данном случае задаче надлежащей реконструкции предмета истории политической и правовой мысли. Однако историография может продемонстрировать и лишь некоторый избирательный событийный ряд, который будет создавать впечатление об определенной тенденции в исторической легитимации современного положения. Во всяком случае настоящая наука истории политической и правовой мысли может и должна опираться только на принципы достоверности, верифицируемости, признания разнообразия типов развития, уважения многообразия народов и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч. М., 1983. Т. 4. С. 376.
2. *Багалей Д.И.* Русская историография: в 2 ч. Харьков, 1911. Ч. 1.
3. *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998.
4. *Гюго В.М.* Несчастные / *Misérables* / пер. О.Н. Поповой и А.Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III.
5. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л., 1978. С. 50.
6. *Зенковский В.В.* История русской философии: в 2 т. М., 1956.
7. *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: [т. 1–2]. Киев, 1891–1908.
8. *Иларион*. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина. М., 1994. С. 31, 33.
9. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 222.
10. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1985. С. 27, 42.
11. История религий / Митр. Иларион (Алфеев), прот. О. Корытко, прот. В. Васечко. М., 2016. С. 346.
12. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. Критика чистого разума; т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов. С. 98, 99.
13. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. СПб., 1913.
14. *Крашенинникова Н.А., Чиркин С.В.* Критика теорий буржуазной историографии как составная часть спецкурса «Основные проблемы феодального государства и права» // *Методика преподавания юридических дисциплин: сб. науч. тр.* М., 1986. С. 47–68.
15. *Лихачев Д.С.* Культурология: избр. труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
16. *Лихачев Д.С.* Русская культура. М., 2022. С. 17.
17. *Лосский Н.О.* История русской философии. СПб., 2018.
18. *Мамут Л.С.* Становление историографии политико-правовых идей // *Из истории развития политико-правовых идей.* М., 1984. С. 22–33.
19. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии. М., 1951. С. 23, 24.
20. *Миллюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.
21. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.
22. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 3.
23. *Пропт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021. С. 103.
24. *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 111, 112.
25. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
26. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
27. *Толстой Л.Н.* Письмо студенту о праве (1909 г.) // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. / под общ. ред. В.Г. Черткова; 1909–1910. М., 1936. Т. 38. С. 54–61.
28. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики). М., 2013. Т. 1, 2.
29. *Флоренский П.А.* Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2014.
30. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. М., 1869–1902. Ч. 1–5.
31. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 2001.
32. *Шнем Г.Г.* История как проблема логики: критич. и методол. исследования. М., 1916. Ч. 1.
33. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law.* E. Pattaro, H. Rottleuthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.
34. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892.
35. *Collingwood R.G.* The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.
36. *Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage.* Heidelberg, 2016.
37. *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl.* Heidelberg, 2004.
38. *Falkner D.* Strafrecht von Leo Tolstoi. Berlin, 2021.

39. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
40. *Foster J.B.* Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.
41. *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift "Rasse und Staat" vers. Aufl. Innsbruck, 1909.
42. *Hart H.* The concept of law / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.
43. *Hegel.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821.
44. *Historiography* / ed. by R.M. Burns. *Historiography*. Vol. 1: Foundations; *Historiography*. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.
45. *Horwitz M.J.* "Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?" // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.
46. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1949.
47. *Jhering R.* Unsere Aufgabe // *Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts*. Bd. 1. 1857. S. 1–52.
48. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
49. *Martin E.* Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011.
50. *Mehmel G.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.
51. *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.
52. *Popper K.* Das Elend des Historizismus. 5, verb. Aufl. Tübingen, 1979.
53. *Rahman M.M.* Encyclopaedia of historiography. Vol. 2: *Historiography: evolution and development*. 2005; vol. 3: *Historiography in India*; vol. 4: *Historiography: theory and philosophy*; vol. 5: *Historiography: sources and research*.
54. *Rahman M.M.* *Historiography*. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005.
55. *Sapir B.M.* Tolstoj und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.
56. *Savigny F.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815.
57. *Savigny F.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
58. Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlth / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015.
59. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3, durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.
60. *Winch P.* The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.
2. *Bagaley D.I.* Russian historiography: in 2 parts. Kharkov, 1911. Part 1 (in Russ.).
3. *Vernadsky G.V.* Russian historiography. M., 1998 (in Russ.).
4. *Hugo V.M.* The Unfortunate / Misérables / O.N. Popova and A.N. Engelhardt. St. Petersburg, 1902. Pp. II–III (in Russ.).
5. *Dostoevsky F.M.* A number of articles about Russian literature // *Dostoevsky F.M. Complete collection of works*: in 30 vols. / editorial board: V.G. Bazanov (ed.) and others. L., 1978. P. 50 (in Russ.).
6. *Zenkovsky V.V.* History of Russian philosophy: in 2 vols. M., 1956 (in Russ.).
7. *Ikonnikov V.S.* The experience of Russian historiography: [vol. 1–2]. Kiev, 1891–1908 (in Russ.).
8. *Hilarion.* The Word about Law and Grace / reconstruction of Ancient Russian. text by L.P. Zhukovskaya; transl., intro, pp. 5–27, V. Ya. Deryagin. M., 1994. Pp. 31, 33 (in Russ.).
9. *Ilyin I.A.* General doctrine of law and the state. M., 2006. P. 222 (in Russ.).
10. History of political and legal doctrines. The Ancient World / ed. V.S. Nersesyants. M., 1985. Pp. 27, 42 (in Russ.).
11. History of religions / Mit. Hilarion (Alfeev), proto. O. Korytko, proto. V. Vasechko. M., 2016. P. 346 (in Russ.).
12. *Kant I.* Collection works: in 8 vols. M., 1994. Vol. 3. Criticism of pure reason; vol. 6. Religion within reason. Metaphysics of morals. Pp. 98, 99 (in Russ.).
13. *Kareev N.I.* Theory of historical knowledge. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
14. *Krashenninnikova N.A., Chirkin S.V.* Criticism of theories of bourgeois historiography as an integral part of the special course "The main problems of the feudal state and law" // *Methods of teaching legal disciplines: collection of scientific works*. M., 1986. Pp. 47–68 (in Russ.).
15. *Likhachev D.S.* Cultural studies: selected works on Russian and world culture. SPb., 2006 (in Russ.).
16. *Likhachev D.S.* Russian Culture. M., 2022. P. 17 (in Russ.).
17. *Lossky N.O.* History of Russian Philosophy. SPb., 2018 (in Russ.).
18. *Mamut L.S.* The formation of historiography of political and legal ideas // From the history of the development of political and legal ideas. M., 1984. Pp. 22–33 (in Russ.).
19. *Marx K.* Manifesto of the Communist Party. M., 1951. Pp. 23, 24 (in Russ.).
20. *Milyukov P.N.* The main currents of Russian historical thought. 3rd ed. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
21. *Pashukanis E.B.* General theory of law and Marxism (Experience of criticism of basic legal concepts). M., 1924 (in Russ.).
22. *Petrzhitsky L.I.* Introduction to the study of law and morality: fundamentals of emotional psychology. 3rd ed. St. Petersburg, 1908. P. 3 (in Russ.).
23. *Propp V. Ya.* Historical roots of a fairy tale. SPb., 2021. P. 103 (in Russ.).
24. *Radbruch G.* Philosophy of Law. M., 2004. Pp. 111, 112 (in Russ.).
25. *Rubinstein N.L.* Russian historiography. M., 1941 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Aristotle.* Essays: in 4 vols. / transl. from ancient Greek M., 1983. Vol. 4. P. 376 (in Russ.).

26. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
27. *Tolstoy L.N.* Letter to a student about law (1909) // Tolstoy L.N. Complete Collection of works / under the general editorship of V.G. Chertkov; 1909–1910. M., 1936. Vol. 38. Pp. 54–61 (in Russ.).
28. *Florensky P.A.* At the watersheds of thought (features of concrete metaphysics). M., 2013. Vol. 1, 2 (in Russ.).
29. *Florensky P.A.* Philosophy of cult (experience of Orthodox anthropodicy). M., 2014 (in Russ.).
30. *Chicherin B.N.* History of political teachings. M., 1869–1902. Ch. 1–5 (in Russ.).
31. *Sherstenevich G.F.* History of Philosophy of Law. SPb., 2001 (in Russ.).
32. *Shpet G.G.* History as a problem of logic: critical. and the methodol. research. M., 1916. Part 1 (in Russ.).
33. A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 1: The Law and The Right; vol. 2: Foundations of Law; vol. 3: Legal Institutions and the Sources of Law; vol. 4: Scientia Juris, Legal Doctrine as Knowledge of Law and as a Source of Law; vol. 5: Legal Reasoning, A Cognitive Approach to the Law. E. Pattaro, H. Rottleuthner, R. Shiner, A. Peczenik, G. Sartor. Springer, 2005.
34. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892.
35. *Collingwood R.G.* The principles of history and other writings in philosophy of history. Oxford, 1999.
36. Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016.
37. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). 7, neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.
38. *Falkner D.* Strafrecht von Leo Tolstoi. Berlin, 2021.
39. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
40. *Foster J.B.* Transnational Tolstoy: between the West and the world. New York, 2013.
41. *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf: soziologische Untersuchungen. 2, durchges. und mit Anhang, enth. die 1875 erschienene Schrift "Rasse und Staat" vers. Aufl. Innsbruck, 1909.
42. *Hart H.* The concept of law / ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford, 2012.
43. *Hegel.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821.
44. Historiography / ed. by R.M. Burns. Vol. 1: Foundations; Historiography. 2006; vol. 2: Society; vol. 3: Ideas; vol. 4: Culture; vol. 5: Politics. London, 2006.
45. *Horwitz M.J.* "Why Is Anglo-American Jurisprudence Unhistorical?" // Oxford Journal of Legal Studies. 1997. Vol. 17. No. 4. Pp. 551–86.
46. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1949.
47. *Jhering R.* Unsere Aufgabe // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 1. 1857. S. 1–52.
48. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
49. *Martin E.* Formen der Negation bei Lev Tolstoj. München, 2011.
50. *Mehmel G.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.
51. *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa; New Jersey, 1983.
52. *Popper K.* Das Elend des Historizismus. 5, verb. Aufl. Tübingen, 1979.
53. *Rahman M.M.* Encyclopaedia of historiography. Vol. 2: Historiography: evolution and development. 2005; vol. 3: Historiography in India; vol. 4: Historiography: theory and philosophy; vol. 5: Historiography: sources and research.
54. *Rahman M.M.* Historiography. Vol. 1: Traditions and Historians. New Delhi, India, 2005.
55. *Sapir B.M.* Tolstoi und Dostojewsky über Probleme des Rechts. Hochschulschrift, 1932.
56. *Savigny F.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Teil, Heidelberg, 1815.
57. *Savigny F.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
58. Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker / Martin George / Jens Herlth / Christian Münch / Ulrich Schmid (Hg.). 2. Auflage. Göttingen, 2015.
59. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3, durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.
60. *Winch P.* The idea of a social science and its relation to philosophy. 2nd impr. London, 1960.

Сведения об авторе

ГОРБАНЫ Владимир Сергеевич —
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. —
Doctor of Law,
Head of the Department of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia